

Павел Мелентьев был арестован в самом начале блокады. Между тем тысячи арестантов находились в тюрьмах города. Власти считали, что, если Ленинград падет под ударами немецких войск, гитлеровское командование сможет использовать их в войне против СССР. Их надо срочно этапировать в глубь страны. Но оставался только водный путь: по Ладожскому озеру до Волхова и затем вверх по реке до железнодорожной станции Звонка. Таким маршрутом и потянули на буксире огромную железную баржу от железнодорожной станции Ладожское озеро по воде к предписанному пункту. Об этом его рассказ.

СТРАШНЫЙ ТРЮМ

...Открылась дверь, и мы увидели, что находимся на задних путях Финляндского вокзала, около большого поезда, состоящего из арестантских вагонов с решетками на окнах. Одновременно разгружалось по несколько машин, причем от машин к вагонам был узкий проход, по сторонам которого стояли, плечо к плечу, вооруженные солдаты с овчарками на поводках. По этому проходу и пришлось идти метров двадцать до вагона.

Поздно вечером поезд тронулся в направлении к станции Ладожское озеро.

На станции Ладожское озеро поезд долго стоял. Время от времени вспыхивала стрельба и комариным пеньем доносились голоса немецких самолетов.

Вокруг путей здесь и там виднелись заполненные водою воронки. Здесь был единственный выход из осажденного Ленинграда, через Ладожское озеро, и враги уделяли этому району большое внимание. Из Ленинграда подошел еще один арестантский поезд.

Раздалась команда: «Вылезай». Мы спрыгнули со ступенек вагона и направились к дороге, проходившей рядом с путями. На дороге образовывалась колонна рядов, по восемь-десять человек в каждом. По мере формирования ряды становились в снежную грязь на колени и стояли так в ожидании окончания построения. Колонна была окружена солдатами с автоматами, с небольшими интервалами были расставлены собаки, и какой-то лейтенант с громадным деревянным молотком наподобие крокетного командовал парадом, энергично подталкивая заключенных, которые недостаточно быстро примыкали к колонне.

Время от времени он выкрикивал: «В ряды становись плотнее! Шаг в сторону считается побегом. Стреляем без предупреждения!» Простояв несколько часов на коленях, колонна по команде двинулась. Мы были предупреждены, что отставание от колонны будет караться тем же, поэтому отстающих не было. Более сильные брали под руки слабых и вели их, уводя от смерти, шедшей за ними по пятам.

Пройдя несколько километров, мы подошли к берегу озера. У берега стоял громадный лихтер — озерная баржа вместимостью до двух тысяч тонн груза. В данном случае груз был живой, и это причиняло администрации много хлопот, так как его нельзя было укладывать штабелями. С берега на лихтер были перекинута узенькие мостки. Подниматься нужно было на высоту двух этажей. Некоторые не могли самостоятельно одолеть такой подъем, им помогали другие заключенные, подтягивая и подпихивая их.

Пока передние ряды погружались, мы отдыхали от марша. Перед нами расстилалась гладкая вода; при последних проблесках вечернего света она казалась свинцовой, и на ее фоне баржа выглядела черным призраком — кораблем мертвых.

Вдали, за заливом, по-видимому, шло сражение; звуков не было слышно, но над темным горизонтом во многих местах непрерывно взлетали огненные вспышки.

Наконец подошла и наша очередь. Карабкаясь по влажным мосткам, я влез на баржу. Два ряда конвойных стояли на палубе и направляли поток заключенных к ступеням в трюм. В темной бездне трюма метался огонек: лейтенант с крокетным молотком, исходя руганью, подталкивал спускавшихся вниз своим молотком, стараясь достичь предельной плотности упаковки. Люди стояли, держа вещи в руках, впритык друг к другу. За мной выросли новые и новые ряды. Ночью загрузка трюма закончилась, и трюмный люк был наглухо закрыт.

Как потом выяснилось, трюм состоял из трех отделений — мужского, в котором было набито около 3 тысяч человек, женского, где находились около 300 женщин, и небольшого уголка, в котором везли 200 немцев — военнопленных. Эти три отделения были изолированы друг от друга двойными дощатыми переборками.

Если бы все заключенные, бывшие в барже, относились только к разряду политических, то, несмотря на невероятные трудности пути, выяснившиеся в дальнейшем, большинство благополучно доехало бы до Званки, и, может быть, лишь несколько человек не выдержали бы скученности, духоты, необходимости стоять долгое время на ногах и прочих неудобств.

Люди в трюме были перемешаны. Привезенные из тюрьмы Большого дома — с заключенными Крестов, в большинстве уголовниками. Это было равносильно перевозке стада овец и нескольких волков в одной клетке.

В первую ночь было тяжело, но терпимо. Тяжело потому, что нужно было стоять все время на ногах — сесть было физически невозможно из-за полного отсутствия места. Приходилось держать вещи в руках, что еще более утомляло. Но толпа в трюме не стояла на месте, а все время какими-то вихревыми движениями медленно передвигалась.

Люди пытались ощупью пробраться куда-то, где они надеялись найти хоть кусочек места, чтобы поставить на него свой узелок и самим присесть на него, дав себе хоть кратковременный отдых.

Счастливыми оказались те немногие, кто разместился на прогонах и раскосах креплений, поддерживавших палубу. Они могли прилечь на балки и брусья. Некоторые устраивались у шпангоутов; оторвав кое-где доски внутренней обшивки, они залезали между двумя обшивками и могли как-то прикорнуть там.

Так мучились мы до утра, моля судьбу об одном: чтобы скорее добраться до Званки и покинуть эту страшную мышеловку.

Настало утро. Светлее почти не стало; сквозь редкие щели в люках пробивались узенькие полоски и без того слабого света. Однако можно было хоть видеть лица друг друга.

Уголовники начали первые попытки деятельности: они как-то сгрудились в одном

из отсеков, изгнали оттуда всех «контриков» и направили во все концы своих представителей с требованием отдать им весь имеющийся у людей табак. Если кто говорил, что табаку у него нет, но этот ответ почему-нибудь показывался подозрительным, то к нему тут же подходили два-три вора и делали ему «шмон», то есть обыскивали, причем если находили табак, то брали табак и в наказание за ложь — все, что попутно попадало им под руку, если же табака не оказывалось, то брали только все остальное. Никаких протестов не принималось, а протестующих предлагали «пришить», то есть зарезать. Однако в этот первый день такие угрозы еще не осуществлялись.

Днем (это было десятое октября) в центральном отсеке, под люками, началось какое-то движение. Люки приоткрылись, и какой-то начальник из караульных начал разговаривать с населением трюма. Истомившиеся арестанты в один голос начали умолять выпустить их или хотя рассадить так, чтобы можно было вздохнуть. Начальник заявил, что этого сделать нельзя, но в трюм будут спущены бревна и доски, чтобы сделать нары. Тогда общая площадь увеличится и все смогут как-нибудь сесть.

Я не знаю подробностей того, что последовало, так как, к своему счастью, находился в одном из углов трюма. В то время, правда, я очень горевал, что моя несчастливая звезда не дала мне возможности устроиться на нарах или хотя бы под нарами, где должно было быть посвободнее. Но, очевидно, судьба еще не решила, стоит ли меня окончательно угробить, и я в районе нар не оказался.

А с нарами произошло следующее: когда были опущены вниз строительные материалы, добровольцы из заключенных начали их укладывать — сначала бревна, а поперек их доски. Остальные так стремились облегчить свое положение, что, не дожидаясь конца работы, полезли на нары. Многие остались внизу, так как там стало свободнее. Чем больше часов нашего пребывания в трюме проходило, тем хуже в нем становился воздух, и люди со слабым сердцем начали задыхаться. Понятно поэтому, что на нары, которые были повыше, а следовательно, ближе к палубе и свежему воздуху, лезло все больше и больше людей.

И вот — в один ужасный момент нары не выдержали непомерной нагрузки, балки поломались и все обрушилось на тех несчастных, которые находились под ними. Это было уже вечером; в трюме было вновь темно, и баржа превратилась в подлинный ад. Крики, стоны и вопли задавленных и разбившихся неслись в продолжение нескольких часов, но надо отдать должное «присутствию духа» конвоя: он выдержал все просьбы и мольбы и не вмешивался в то, что происходило под палубой. Никакой помощи никому оказано не было, и стоны умирающих понемногу замолкли, сменившись уже другими криками и стонами.

К ночи, чтобы все заключенные не задохнулись, конвою пришлось открыть люки трюма. Открыт был и тот люк, к которому из трюма вели ступеньки лестницы. У верха лестницы встали конвойные с автоматами. Не знаю, было ли сделано какое-нибудь предупреждение о запрещении подниматься по ступеням или нет, но на лестнице разыгрался следующий кровавый акт нашей драмы. Задыхающиеся узники время от времени пытались подняться по лестнице на несколько ступенек, чтобы глотнуть чистого воздуха. Немедленно следовали выстрелы, и несчастные, глотнув вместо воздуха свинца, навзничь опрокидывались вниз. Несколько стонов и судорожных подергиваний — и

«надышавшиеся» успокаивались. Это было, может быть, лучшим исходом для тех, чье слабое сердце все равно не вынесло бы атмосферы трюма, в которой нам пришлось пробыть неожиданно долгое время.

Ужасна была дальнейшая судьба тех, кого не убили, а только поранили. Не получая никакой медицинской помощи, они умирали через несколько часов или через один-два дня.

Когда конвой устал от упражнений в стрельбе, люк у лестницы был снова захлопнут. Начался новый ужас.

Как было установлено потом, конвой вошел в контакт с уголовниками и договорился с ними о следующем: уголовникам была предоставлена возможность грабить всех, находившихся в трюме, при условии, что они будут делиться награбленным с конвойными. За это им была обещана безнаказанность и снабжение хлебом и водой. Нужно отметить, что остальные заключенные в течение шести суток, проведенных в трюме, не получили ни куска хлеба и только один раз им давали воду.

В наступившей после закрытия люка относительной тишине начали слышаться то здесь, то там какие-то хрипы, предсмертные крики и вопли, быстро прекращавшиеся. Во тьме поползли слухи о том, что кто-то кого-то убивает, но из-за полного отсутствия видимости ничего нельзя было разобрать, и это было вдвойне страшно.

Уголовники, находившиеся под началом нескольких опытных бандитов, повели свою грабительскую кампанию весьма продуманно. Они понимали, что, находясь в меньшинстве (большая часть заключенных были политические), они не смогут просто грабить, так как им дадут отпор. Поэтому они решили сперва создать панику, чтобы полностью уничтожить все возможности сопротивления.

В различные углы трюма ими были посланы убийцы, вооруженные большими гвоздями, искривленными наподобие серпов и так же, как серпы, изнутри отточенными. Убийцы, группами по несколько человек, в темноте ощупывали пальто и, убедившись, что пальто хорошее, приступали к делу. Двое-трое хватали намеченную жертву, а один из них вонзал свое оружие ей в горло, разрывая гортань. Убийство сопровождалось быстрым раздеванием. Когда таким путем было убито несколько десятков человек, в барже начался подлинный бесовский шабаш. Заключенные в ужасе выли нечеловеческими голосами, моля о помощи, которой никто не собирался им оказывать.

.....

Прошло с того времени много лет. Берии и насаждавших им порядков больше нет, и многие не поверят, что такие вещи были возможны. К сожалению — были!

На следующий день на барже распространился слух, что близится высадка. За время пребывания в трюме мы не знали, стоим ли на месте или движемся, так как легкое покачивание баржи могло происходить от прибрежного волнения, так же как и от хода. Даже налет на баржу немецких самолетов, встреченный с нашей стороны пулеметной стрельбой, не дал ничего понять. Где-то упала бомба, нас качнуло, но где все это произошло, осталось для нас тайной. Можно лишь сказать, что нам повезло. Потом я узнал, что другую такую баржу с заключенными немцы

потопили вместе со всем содержимым.

В ожидании высадки у главного люка выстроились люди со свертками и мешками. У меня в руках уже ничего не было, и один из соседей отдал мне одеяло, для которого у него не хватало рук. Долго стояли мы, но так ничего и не дождались. Опять настала ночь, но исхода не было.

На следующее утро, после примерно шести суток пребывания в трюме, мы внезапно увидели проплывшие над люками фермы железнодорожного моста через реку Волхов, показавшие нам, что пребывание в этом аду близится к концу. Действительно, через несколько часов началась разгрузка баржи.

Я забыл сказать, что частичная разгрузка производилась еще раньше. Видя, что количество трупов в барже катастрофически растет и по прибытии в Званку будет много работы по их выбрасыванию, конвоиры спустили в трюм канат приказали зацеплять петлю каната за ноги покойников. После этого несколько трупов было поднято и, вероятно, выброшено за борт. Но вдруг наверху послышалось несколько выстрелов. Оказалось, что какой-то из заключенных решил попытаться бежать. Притворившись мертвым, он позволил зацепить на себе петлю, но при вытаскивании, очевидно, не выдержал боли и выдал себя, после чего был тут же пристрелен. После этого случая вытаскивание трупов прекратили, опасаясь, вероятно, побегов.

Нам пришлось довольно долго ждать разгрузки из-за того, что сначала выгрузили немцев, затем женщин. У женщин не было столько жертв, как у мужчин, но они перенесли другие мучения. В эти дни уголовники проломали перегородку в отделение женщин и с помощью своих приятельниц из женского деления многих ограбили, после чего изнасиловали некоторых молодых заточенных женщин.

Для выгрузки в трюм были спущены мостки — не знаю почему, но имевшейся лестницей пользоваться не дали и люк перед выгрузкой заколотили. Может быть, опасались, что толпа хлынет из трюма и ее будет трудно удержать. При выходе каждому давался полукилограммовый кусок хлеба и пригоршня соленых рыбок. Тут же стояли бочки с водой. Покидая трюм, я огляделся: дна не было видно, оно было покрыто толстым слоем начинающих разлагаться мертвецов.

Выгрузившись с баржи на берег, мы были вновь поставлены на колени до начала движения колонны к поезду.

Вокруг места выгрузки растянулась частая цепь вооруженных автоматами солдат. Несколько овчарок рвались с поводков, подгоняя слезавших с баржи. В Званке уже лежал первый снег, и после зловония и миазмов трюма свежий морозящий ветерок вызывал головокружение.

Страшный этап был позади. Предстояло далекое путешествие в железнодорожных вагонах.

ТЮРЕМНЫЙ ХЛЕБ

«Тюремный хлеб» — как много власти

Таят подобные слова...
Они сильней порыва страсти,
Страшнее, чем рычанье льва.
Как только ранним утром в руки
Кусок полученный берешь —
И счастье чувствуешь, и муки,
И в сердце радостную дрожь...
Ведь этот хлеб — источник жизни,
Единственный, доступный нам;
Подачка мачехи-отчизны
Ее несчастнейшим сынам.
И усмехаешься при мысли
(Себя в ней как-то улича),
Что хлеб тюремный, самый кислый,
Намного слаще кулича!
Но — встреча с этим вкусным хлебом
Такою платится ценой,
Что — лучше смерть под чистым небом,
Чем жизнь, убитая тюрьмой!

1941

17 СЕНТЯБРЯ 1942

Сегодня — юбилей несчастья моего.
Двенадцать месяцев, как я лишен свободы...
В чем провинился я? Что сделал? — Ничего!..
За что же столько мук и столько злой невзгоды?
Семь тюрем испытал за этот тяжкий год,
Я с каждым новым днем все более слабею.
Не знаю, что скорей — свобода ли придет,
Иль заключение мне переломит шею?

1942

* * *

Весенний день в Сибирском крае...
Безбрежен чистый небосвод;
Течет река, слегка играя
Поверхностью спокойных вод;

Вокруг, на много километров,
Переливаются луга,
Когда по ним бродяги ветра
Скользит незримая нога.

